
**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**М. ГОРЬКИЙ И Н. БУХАРИН:
ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ¹**

© 2016 г. Н.Н. Примочкина

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а,
nprim47@yandex.ru

**M. GORKY AND N. BUCHARIN: A HISTORY OF FRIENDSHIP-ENMITY AGAINST
THE BACKGROUND OF THEIR EPOCH**

© 2016 Natalia N. Primochkina

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Gorky Institute of World Literature of the RAS, 25a
Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
nprim47@yandex.ru

В статье на основе новых архивных материалов (документов и писем) анализируется история драматичных, но дружественных деловых и личных отношений “буревестника” революции Максима Горького и одного из главных партийных идеологов и руководителей советского государства Николая Бухарина, раскрывается подлинный трагизм их судеб в условиях сталинского режима, превратившего обоих из вершителей истории в ее жертв.

Proceeding from the newly found archive materials (documents and letters), the article looks at the story of turbulent professional and personal friendship of Maxim Gorky (the “Petrel” of the Revolution) with Nikolai Bukharin (one of the Party ideologists and leaders of the Soviet state). The light is shed on the vicissitudes of life under Stalin's regime, which reduced the great men of history to the victims of the times.

Ключевые слова: Горький, Бухарин, деловые и личные отношения, сталинский режим, трагические судьбы, советская эпоха

Keywords: Gorky, Bukharin, business and personal relationships, Stalin's regime, tragic fates, Soviet epoch

Революционер-большевик, любимый ученик и ближайший соратник В.И. Ленина, один из самых видных руководителей молодого советского государства, Николай Иванович Бухарин родился 27 сентября 1888 г. в Москве, в семье школьных учителей. Окончил 1-ю Московскую гимназию, с 1907 г. учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета, откуда в 1911 г. был исключён за участие в революционной деятельности. Во время революции 1905–1907 гг. вместе со своим другом Ильёй Эренбургом

принимал активное участие в студенческих демонстрациях. В 1906 г. семнадцатилетний юноша вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. В июне 1911 г. был арестован и сослан на три года в Онегу Архангельской губернии, в том же году бежал из ссылки, затем нелегально выехал за границу.

В 1912 г. в Кракове Бухарин познакомился с Лениным, с которым впоследствии поддерживал дружеские отношения. Подводя итоги своим многолетним наблюдениям за деятельностью Бухарина, Ленин позже так охарактеризовал его место и роль

---

¹Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): исследовательский проект № 14-04-00167а.

в партийном руководстве страны в известном «Письме к съезду»: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...» [1, с. 345].

После Февральской революции 1917 г. Бухарин немедленно принял решение о возвращении на родину, однако вернулся в Россию только в мае 1917, поскольку был арестован в Японии, через территорию которой ехал. В России он сразу был избран членом ЦК РСДРП(б) и вскоре назначен на пост главного редактора газеты «Правда», с 1919 г. являлся членом Исполкома Коминтерна, а с 1926 г. – его фактическим руководителем.

После смерти Ленина Бухарин становится членом Политбюро ЦК, одним из влиятельнейших руководителей партии и государства и близким другом И.В. Сталина. Бухарин принадлежал к немногим, обращавшимся к Сталину на «ты» и называвшим его Кобой. Сталин, в свою очередь, звал его «Бухарчиком». В 1923–1924 гг. Бухарин оказал существенную поддержку Сталину в борьбе против Л.Д. Троцкого, в 1925–1926 гг. – против Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева.

Проанализировав после смерти Ленина причины неудач «военного коммунизма», Бухарин превратился в активного сторонника провозглашенной вождем новой экономической политики. Теперь он делал акцент на необходимости дальнейшего проведения экономических реформ в русле нэпа. Вместе с тем, он принимал участие в разработке сталинской теории «социализма в одной отдельно взятой стране», противопоставленной идее перманентной мировой революции Троцкого.

Однако начиная с 1928 г. пути Бухарина и Сталина все более расходятся. В это время Бухарин выступил против всеобщей коллективизации и чрезвычайных мер по отношению к деревне, предлагая мягкий, постепенный, эволюционный путь развития промышленности и сельского хозяйства. Это, однако, противоречило курсу Сталина на всеобщую коллективизацию и ускоренную индустриализацию.

В ноябре 1928 г. Пленум ЦК назвал позицию Бухарина и разделявших ее членов Политбюро А.И. Рыкова и М.П. Томского «правым уклоном». На апрельском Пленуме ЦК 1929 г. продолжился разгром группы Бухарина, а сам он за фракционную деятельность вскоре был снят с поста главного редактора газеты «Правда» и выведен из Президиума Исполкома Коминтерна. Тогда опальный политик попросил направить его на скромную должность заведующего сектором научно-исследовательской работы ВСНХ СССР, а после его расформирования в 1932 г. стал заведующим научно-исследовательским сектором и членом коллегии

Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1931–1936 гг. он был издателем научно-популярного и общественного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («СоРеНа»). Бухарин был одним из редакторов первого издания Большой советской энциклопедии. В 1929 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР по социально-экономическим наукам. С 1930 г. Бухарин являлся председателем Комиссии по истории знаний (КИЗ), с 1932 г. – директором Института истории науки и техники АН СССР. Кроме того, с 1934 по 1937 г. он был главным редактором газеты «Известия». Он же являлся одним из основных авторов проекта Конституции СССР, принятой в 1936 г.

Бухарин был на 20 лет моложе Горького и не входил в круг тех революционеров (В.И. Ленин, А.А. Богданов, Г.А. Алексинский, А.В. Луначарский и др.), с которыми писатель сблизился после революции 1905 г. в эмиграции. В годы Октябрьской революции и гражданской войны Горький, как известно, был настроен весьма критически по отношению к политике большевиков, резко осуждал их методы насилия и террора, уничтожение богатого культурного наследия страны, преследование интеллигенции. Деятельность Бухарина, прославлявшего в то время «пролетарское принуждение во всех своих формах», видимо, не была исключением. В 1921 г. Горький, например, с возмущением писал о «культурной» политике большевиков, в том числе о популярном в то время учебном пособии Бухарина «Теория исторического материализма» (1921): «Гуманитарные науки <...> целиком взяты под подозрение в нашей стране. Студенты наших университетов – народных – учатся философствовать по книге Бухарина «Теория материализма»» [2, с. 241].

Начало особым, дружественным отношениям писателя и политика положила поездка Бухарина в 1922 г. в Германию. Ни в литературе о Горьком, ни в литературе о Бухарине ранее не встречалось упоминания о таком весьма любопытном факте, что Бухарин лечился в том самом санатории и в то же самое время, когда там находился Горький (впервые об этом см.: [3, с. 62–69]). Можно предположить, что Ленин, зная о местопребывании Горького, специально послал своего любимца и ученика лечиться в санаторий Санкт-Блазиен. С уехавшим из России осенью 1921 г. писателем следовало наладить контакт, чтобы воздействовать на его настроения и взгляды и таким образом ненавязчиво повлиять на его выступления в западной прессе, от которых существенно зависело реноме молодого, с трудом признаваемого Европой государства.

Блестящий собеседник и обаятельный человек, Бухарин как нельзя лучше подходил для этих целей.

О встрече Бухарина с Горьким в Германии, возникновении взаимного интереса и человеческих симпатий мы узнаем из переписки, сохранившейся в горьковском архиве. Тяжело больной туберкулезом, сильно истощенный нервно и физически писатель вскоре после отъезда из России был вынужден отправиться на лечение в немецкий санаторий, где провел четыре месяца, с декабря 1921 по начало апреля 1922 г. А в конце февраля – начале марта туда же прибыл Бухарин. 18 марта Горький писал в Берлин своему секретарю П.П. Крючкову по поводу готовящегося в Москве процесса эсеров: «Речь Ленина? Здесь – Смилга², Бухарин, и – оба они не понимают, что творится в Москве. Сведения у них – никаких нет, никто ничего им не пишет, хотя Бух<арин> – член ЦК! Нервничает он – отчаянно и, разумеется, это очень во вред его плохому сердцу. Хочет бросить лечение и ехать в Берлин» [4, с. 39–40].

Тревогу и волнение Бухарина можно понять. Он был поставлен в достаточно неловкое, шекотливое положение. 5–8 апреля 1922 г. в Берлине должна была состояться конференция трех Интернационалов, на которой он наряду с К. Радеком представлял Коминтерн. Вероятно, Бухарин предвидел, что на этой конференции ему придется держать ответ за действия советского правительства по отношению к эсерам. Так и случилось. Заграничные социалисты, возмущенные готовящимся в России судебным процессом правых эсеров, потребовали от советских делегатов письменного обещания не применять к подсудимым смертную казнь. И Бухарин с Радеком под нажимом участников конференции такое обещание подписали. Ленин посчитал эту уступку ошибкой своих посланцев и тут же написал об этом ругательную статью «Мы заплатили слишком дорого», которая была напечатана 11 апреля одновременно в «Правде» и в «Известиях».

Вскоре после возвращения в Москву Бухарин написал Горькому свое первое письмо, шуточно и несколько фамильярно обращаясь к нему «Алексей Максимович, Прекрасные Усы», что свидетельствовало об установившихся между ними особо доверительных, дружеских отношениях. Пользуясь этой дружбой, Бухарин частенько позволял себе то мягко, то довольно грубо журить старшего товарища, указывал на его политические «ошибки» и «заблуждения». В том же письме

от первой половины мая 1922 г. он писал о реакции советского партийного руководства на появление в западной печати статьи Горького «Русская жестокость» из цикла «О русском крестьянстве»:

«Нас всех очень огорчила Ваша статья в «Politiken» <...> Ну какого рожна Вы, Прекрасные Усы, идете в такие сволочные газеты <...> Вы не представляете объективного значения отклика, инструментальной роли Ваших высказываний в теперешний момент. Я знаю, что Вы на меня рассердитесь. Но пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю» [5, КГ-ОД-1-43-1].

И сердитый «ворчун» Горький вынужден был оправдываться. 1 июня 1922 г. он подробно отвечал Бухарину, пытаясь отвести его упреки и разъяснить мотивы своего выступления:

«Спасибо за Ваше хорошее, товарищеское письмо. На такие письма – не сердятся, за них – крепко жмут руку.

Посылаю Вам оригинал статьи <...> Не сообразил я, что печатать ее во дни Генуи³ было нетактично, но я и не думал, что ее напечатают так скоро. Однако кое-кого она убедила в том, что Сов. власть – власть исторически оправданная <...> Слышу, что наиболее порядочные люди из эмигрантов говорят: статья примиряет с Сов. властью, что, действительно, только большевизм мог оживить крестьянство <...>

Сердечный привет В. Ильичу, Рыкову, Троцкому.

Вам – крепко жму руку, хорош Вы человек, чудесный товарищ» [4, с. 56, 57].

Однако очень скоро отношения Горького с Бухариным, так же как с остальными членами советского руководства, сильно испортились. Это было связано все с тем же затеянным большевиками судебным процессом эсеров, который проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. Несмотря на письменные обещания Бухарина и Радека, данные представителям международного рабочего движения, ход этого процесса ясно указывал на то, что часть подсудимых ожидает смертный приговор. Тогда русские социал-демократы (меньшевики), проживавшие за границей, решили прибегнуть к помощи Горького как к последнему средству спасения арестованных. В начале июля 1922 г. писатель, под давлением меньшевистских лидеров Л. Мартова и Б.И. Николаевского, выступил с открытыми письмами к заместителю председателя Совнаркома А.И. Рыкову и к сочувствующему Советской России А. Франсу,

²Смилга Ивар Тенисович (1892–1937), советский государственный и партийный деятель, экономист; в то время занимал пост заместителя председателя ВСНХ.

³Имеется в виду Генуэзская конференция, проходившая в итальянской Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. с участием 28 государств и Советской России.

в которых выразил резкий протест против этого процесса и против большевистских методов террора вообще. «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, – писал он Рыкову, – это будет убийство с заранее обдуманым намерением, – гнусное убийство. Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты, – это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России» [4, с. 66].

Вскоре это письмо появилось в иностранной прессе, затем было перепечатано во многих эмигрантских газетах (в России его публикация состоялась только в эпоху “перестройки” [6, с. 243–244]). Советским руководством выступление Горького было расценено как предательство и вызвало у него гнев. Если после появления в зарубежной печати статьи Горького “Русская жестокость” Бухарин как главный редактор “Правды” еще мог промолчать, то теперь Троцкий и другие члены Политбюро ЦК дали ему прямое указание разоблачить “заблудшего” писателя, “которого в политике никто всерьез не берет” [4, с. 413]. 18 июля 1922 г. в “Правде” была напечатана статья С. Зорина “Почти на дне (О последних выступлениях Горького)” (№ 158), в которой писатель обвинялся в буржуазном перерождении и в том, что он сильно “вредит нашей революции”. 21 июля в той же “Правде” (№ 161) со стихотворным фельетоном “Гнетучка” выступил Демьян Бедный, утверждавший, что в результате жизни за границей Горький оторвался от родной почвы и теперь он “насквозь отравлен тучей разных остервенело-буржуазных белогвардейских комаров”.

От больного, проживавшего в Горках под надзором врачей Ленина “скандальное” письмо Горького об эсерах было скрыто. Вождь познакомился с ним позже по публикации в меньшевистском эмигрантском журнале “Социалистический вестник” (1922. № 13–14. 20 июля) и тотчас же, 7 сентября 1922 г. написал Бухарину, который вместе с женой был в это время в Германии: «Я читал (в “Социалистическом вестнике”) поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, Вы его выдаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение» [7, с. 279]. Возможно, именно этой просьбой Ленина было вызвано следующее письмо Бухарина Горькому, в котором он сожалел, что не смог встретиться с писателем в Берлине, сообщал о болезни вождя

и осторожно предупреждал своего адресата о неприемлемости для советских властей его деловых контактов и совместных издательских проектов с эмигрантами-меньшевиками – “этим гнильем, нытиками, гробокопателями” [5, КГ-ОД-1-43-2].

Неизвестно, что ответил Бухарин Ленину, какой совет он ему дал. Но в результате Ленин все же не стал публично “разоблачать” и “клеить” Горького в печати. Тем не менее писатель долго и тяжело переживал травлю в советской прессе, начатую против него “Известиями” и “Правдой” летом 1922 г. С этого времени он перестал говорить в письмах на родину о своем скором возвращении. 21 апреля 1923 г. Горький писал о своих новых мрачных настроениях Р. Роллану:

«...за мое отношение к процессу социалистов-революционеров меня провозгласили “врагом народа”. Принимая во внимание, что с той поры я не один раз писал моим друзьям-вождям о гнусности и глупости этих подготовок к убийству Буткевича, Цепляка и патриарха Тихона⁴, их отношение ко мне, как к “врагу” народа, несомненно, упрочилось еще сильнее. <...>

Всё это, конечно, чепуха, но признаюсь, что довольно с меня этой чепухи! – Я хочу писать, много писать и не чувствую ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я не мог бы писать, если бы вынужден был все свое время тратить на то, чтоб непрерывно повторять: “Не убий”. Убийца всегда подлец, но когда он выполняет это в целях пропаганды, то он в сто крат подлее! А террор в России все увеличивается» [4, с. 176].

В начале 1920-х годов философские и общественно-литературные позиции Горького и Бухарина существенно отличались. Оптимистически настроенному Бухарину были чужды острокритические и трагические размышления писателя о русском народе и его исторических судьбах, которые были вызваны недавними революционными событиями. Пытаясь переубедить писателя, вдохнуть в него свою большевистскую “веру”, Бухарин писал ему летом 1923 г. по поводу его новых произведений: “Художественно, читать – наслаждение. Но нет ли у Вас начала опростительства под влиянием западноевропейского

⁴ Речь идет о разгроме католической и православной церкви в 1922–1923 гг., о судебных процессах над духовенством в марте-апреле 1923 г. Прелат К.Ю. Буткевич был расстрелян в марте 1923 г. за “контрреволюционную деятельность”, архиепископ Я.Г. Цепляк получил за то же 10 лет тюремного заключения. Патриарх Тихон за сопротивление декрету об изъятии церковных ценностей в начале июня 1923 г. был заключен в тюрьму, в конце июня освобожден и помещен под домашний арест (подробнее см: [4, с. 544–545]).

кризиса и переоценки всех ценностей в “буддийском” направлении? Не влияет ли на Вас сейчас трагическая червоточина гибнущих кругов?” [5, КГ-ОД-1-43-3].

Несмотря на принципиальные политические и идейные разногласия с Горьким, правящая большевистская верхушка и в отсутствие тяжело больного Ленина не теряла надежды вернуть писателя-“еретика” сначала в Россию, а затем и в свои ряды. 6 июля 1923 г. Зиновьев и Бухарин обратились к Горькому по этому поводу с письмом. Зиновьев уговаривал писателя вернуться на родину, заверяя, что любит и ценит его. Бухарин сделал к этому письму следующую приписку, в которой также агитировал Горького “за советскую власть” и грубо ругал политическую эмиграцию:

«Дорогой Алексей Максимович!

Пользуюсь случаем (сидим вместе с Григорием на заседании), чтобы сделать Вам приписку. Я Вам уже давно посылал письмо, но ответа не получил. С тех пор у нас основная линия на улучшение проступила до того ясно, что Вы бы “взвильсь” и взяли самые оптимистические ноты. Только вот огромное несчастье с Ильичом. Но всё стоит на прочных рельсах, уверяю Вас, на гораздо более прочных, чем в гнилой Центральной Европе. Центр жизни (а не хныканья) у нас. Сами увидите! Насколько было бы лучше, если бы Вы не торчали среди говённых, а приезжали бы к нам. Жить здесь в тысячу раз радостнее и веселее!» [8, с. 207].

Однако Горький, у которого со времен революции и гражданской войны сложились плохие отношения с Зиновьевым и которого, видимо, сильно раздражали непристойные ругательства в адрес меньшевистских лидеров в письмах Бухарина, решил ответить своим корреспондентам не прямо, а через посредство заместителя Ленина Рыкова, с которым незадолго до этого встретился в Германии.

В приписке к этому письму Рыкову, адресованной Зиновьеву и Бухарину, Горький указал на две основные причины его нежелания возвращаться на родину: плохое состояние здоровья и враждебное отношение советских властей к его зарубежной литературно-издательской деятельности, в частности, запрет на распространение в России его берлинского журнала “Беседа” [4, с. 211].

После того как Рыков показал это послание адресатам, Бухарин 25 августа 1923 г. написал Горькому обиженное письмо: “Алексей Ив<анович> показывал Ваше письмо. Почему Вы не ответили непосредственно? Ведь мы Вам писали в совершенно неофициальном порядке. Разве это не было видно?

Вы, ей-богу, не видите из-за деревьев леса” [5, КГ-ОД-1-43-4]. 18 или 19 сентября Горький сообщал Б.И. Николаевскому: “Получил письмо от Бухарина, в ответ на мое письмо Рыкову, завтра отвечу; посмотрим, что будет” [4, с. 245]. На следующий день, 20 сентября он просил своего секретаря П.П. Крючкова: “...пожалуйста – отправьте прилагаемое письмо Бухарину в Миссию для скорейшей передачи адресату. Сие очень важно” [4, с. 245]. Как видим, Горький придавал этому письму особое значение. Вероятно, в нем писатель высказал свою общественно-политическую и нравственную позицию по наиболее актуальным, животрепещущим вопросам современной жизни Советской России, позицию, которая коренным образом отличалась от официально принятой в государственных и партийных верхах. К сожалению, это письмо Горького пока не разыскано. Но после него переписка писателя с Бухариным прервалась почти на два года.

Как уже говорилось, далеко не всегда Горький был согласен с Бухариным и не всегда одобрял его деятельность. Порой его шокировали грубые и непродуманные, на его взгляд, выступления полемиста-партийца. Так, 11 марта 1924 г. Горький писал Е.П. Пешковой: «...не найдешь ли книгу И.П. Павлова “20-летний опыт”, книгу, против которой так развязно полемизирует Н. Бухарин в “Красной нове”...» [4, с. 312]. Говоря о том, что философия марксизма “вносит в область высшей психической деятельности человека довольно грубый, а потому и вредный рационализм”, писатель в 1925 г. в качестве примера, подтверждающего эту его мысль, вновь сослался на “статью Бухарина против академика И.П. Павлова” [9, с. 164].

Горький имел в виду большую статью Бухарина “О мировой революции, нашей стране и прочем (Ответ профессору И. Павлову)”, напечатанную в журнале “Красная новь”. Полемизировал в ней Бухарин не с научными выводами академика, а с его определением марксизма и коммунизма, прозвучавшим в публичной лекции. В своей статье Бухарин цитировал такое “еретическое” высказывание Павлова: “Марксизм и коммунизм это вовсе не есть абсолютная истина, это – одна из теорий, в которой, может быть, есть чистая правда, а, может быть, и нет правды” [10, с. 172]. Это высказывание Бухарин охарактеризовал как “абракадабру” и “наивничание”. Однако Горький, как видно из вышеприведенных писем, был согласен скорее с Павловым, чем с Бухариным.

В то же время Горький, внимательно следивший из-за границы за культурной и литературной жизнью на родине, не мог не видеть положительной

роли Бухарина, пользовавшегося особым доверием творческой и научной интеллигенции. Вот что пишет об этом периоде его жизни автор фундаментальной книги “Бухарин. Политическая биография. 1888–1938” С. Коэн: “Период пребывания Бухарина у власти совпал с замечательным оживлением интеллектуальной и художественной творческой деятельности как внутри, так и вне партии. Он не был единственным покровителем этого процесса, но его высокое положение гарантировало официальную терпимость к таким вещам на протяжении 20-х гг. Он способствовал развитию художественных и научных достижений и составлял редкое исключение в среде партийных вождей, состоя в хороших отношениях с такими разными людьми, как Осип Мандельштам, Михаил Покровский, Максим Горький и Иван Павлов” [11, с. 280].

Не мог не сочувствовать Горький и выступлениям Бухарина против ненавистных писателю руководителей Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и редакции печально знаменитого журнала “На посту”, против их претензий на гегемонию в делах литературы. Критик А.К. Воронский, вступивший в 1920-е годы в смертельную схватку с “напостовцами”, сообщал Горькому 6 марта 1925 г.: «Литературная драка как будто ослабевает. В верхах “напостовцы” терпят поражения. Делу этому помогает т. Бухарин. Хорошо, если литературная атмосфера несколько очистится, а то очень тяжело было» [12, с. 17–18].

Говоря о поражении “напостовцев” в “верхах”, Воронский имел в виду работу литературной комиссии при ЦК ВКП(б), готовившей резолюцию “О политике партии в области художественной литературы”. Большую лепту в работу этой комиссии внес своими выступлениями Бухарин. Хотя он был давним и страстным приверженцем идеи особой “пролетарской культуры” и восторженно приветствовал рождение “пролетарского” романа и “пролетарской” драмы, он решительно выступил против стремления пролетарских литературных организаций к единоличной власти, призывал завоевывать доверие писателей-“попутчиков”, а не “бить их дубинкой до бесчувствия” и не “зажимать их в тиски”. Мысли Бухарина о свободном соревновании различных школ и направлений в литературе, о недопустимости жесткого партийного диктата в области культуры нашли отражение в написанной им и затем принятой ЦК знаменитой резолюции “О политике партии в области художественной литературы” 1925 г.

В большом письме от 14 мая 1925 г. Бухарин информировал Горького, во-первых, о повороте партии “лицом к крестьянству”, теоретиком и инициатором

которого был он сам, а также о готовящейся смене политики в области художественной литературы. “Я, как видите, все агитирую Вас, – писал в заключение Бухарин, – хотя Вы никогда ни строчечки не напишете” [5, КГ-ОД-1–43–6]. На этот раз Горький ответил. Обрадованный, что партийное руководство наконец-то обратило внимание на “литературный фронт”, писатель в ответном письме намечает целую программу осуществления грамотной литературной политики в стране. Как известно, Горький всегда с недоверием относился к русскому крестьянству и возможности его союза с пролетариатом. Стараясь понять необходимость новой политики “смычки” города и деревни, он все же и здесь предостерегал Бухарина от опасных, по его мнению, тенденций “дифирамбов деревне” в произведениях текущей литературы. Далее Горький советовал партийному руководству не давить марксистской идеологией на талантливую молодежь из “попутчиков”, а предоставить ей большую творческую свободу и избавить от травли со стороны “напостовцев”. «Литературная молодежь, – писал он в этом письме от 23 июня 1925 г., – восхищает меня. Отношение к ней “напостовцев” – дурацкое. Все эти Родовы, Лелевичи, Вардины прежде всего бездарны. Да, видимо, и малограмотны. Не следует затискивать начинающих писателей в угол, хотя бы и в марксистский. Они уже достаточно революционны в своей органической ненависти к “быту” <...> Они сами придут к революционному, героическому пафосу, пафосу спокойному, но – беспощадному ко всякой “старинке” в слове и деле» [8, с. 206].

Это письмо, написанное за неделю до обнародования резолюции ЦК о литературе, во многих своих положениях и мыслях совпало с основным пафосом этого партийного документа.

Горький воспринял резолюцию с глубоким удовлетворением, связывал с ней свои надежды на очищение литературной атмосферы, большую свободу творчества, либерализацию советской политики в отношении беспартийной интеллигенции и творческих работников. 13 июля 1925 г. он вновь писал Бухарину, явно поощряя и благодаря его за этот партийный документ: «Резолюция ЦК “О политике партии в области художественной литературы” – превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство. <...> И своевременно и мудро приласкать несколько – молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК» [8, с. 214, 216].

28 мая 1928 г. Горький впервые после шести с половиной лет пребывания в Европе приехал на родину. На Белорусском вокзале в Москве его встречали

многие видные партийные и государственные деятели, и среди них в первых рядах – Бухарин.

В начале июля Горький отправился в большое путешествие по городам и республикам Союза. Во время поездки он встречался с многочисленными делегациями трудящихся и партийных активистов, выступал на митингах, посещал детские трудовые колонии и дома творчества, музеи и театры, клубы и библиотеки. Внимательно наблюдая за жизнью людей Советской России, писатель был не только очарован увиденным, но и серьезно встревожен теми негативными, уродливыми чертами в развитии советского общества, которые он сумел рассмотреть. Например, в письме от 31 декабря 1928 г. своему старому знакомому, писателю И.М. Касаткину, делясь впечатлениями от пребывания на родине, Горький признался, что был “ошеломлен” их “противоречивостью”. Они вызвали у него одновременно “и восторг, и тревогу”. Далее писатель разъяснял, что восторг был вызван увиденной им героической работой масс, изменениями “к лучшему” в “туманной психике” россиян, “тревога же вызвана тем, что <...> переживаем моментик тяжелый и что это далеко не всем ясно” [5, ПГ-рл-18–59–37]. Эта главная причина тревоги Горького – тяжелый “моментик” в жизни страны – раскрывается в вышеупомянутом письме Касаткину и многих других письмах этого времени как “разноречие между городом и деревней”, вызванное сопротивлением крестьянства насильственным хлебозаготовкам и коллективизации.

К концу 1920-х гг. в развитии народного хозяйства СССР наметились серьезные противоречия между социалистическим по преимуществу характером промышленного производства и основанным на частной собственности сельским хозяйством. Причем в аграрной стране, которой продолжала оставаться Россия, сельскохозяйственное производство зерна составляло основу ее экономики. Для задуманной руководством страны ускоренной индустриализации нужны были огромные средства, которые можно было взять только у крестьянства. Однако крестьяне как полноправные хозяева произведенной ими продукции не хотели продавать государству хлеб по заниженным ценам. В результате плановые хлебозаготовки упали к концу 1927 г. почти наполовину. Оказавшись перед угрозой голода в городах, партийное руководство страны в декабре 1927 – январе 1928 г. разослало на места секретные директивные письма с требованием увеличить хлебозаготовки любым путем, в том числе и с помощью “чрезвычайных” репрессивных мер. Члены Политбюро поехали по областям “выкачивать хлеб”. Сам Сталин ездил с этой миссией в Сибирь. За отказ продавать хлеб

была введена уголовная ответственность – лишение свободы с конфискацией имущества. Реакцией на применение чрезвычайных мер стали крестьянские вооруженные восстания и террористические акты против хлебозаготовителей. Несмотря на это, весной того же года Сталин циркулярным письмом поставил задачу покрыть всю страну колхозами и совхозами, хотя вплоть до конца 1929 г. во всех официальных партийных документах говорилось об исключительной добровольности вступления в колхозы и о коллективизации как задаче, рассчитанной на неопределенно длительный срок. Горький, как и многие его современники, видимо, верил, что коллективизация проходит в деревне на добровольной основе и что многочисленные “перегибы” в отношении крестьянства допущены по глупости или излишнему рвению местных властей, а не по прямой указке сверху.

В это же время в верхушке партии, только что освободившейся от левой троцкистской оппозиции, вновь наметились серьезные разногласия. На этот раз против Сталина выступили члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский. Разногласия в Политбюро вырвались наружу при обсуждении политики хлебозаготовок в 1928 г. на июльском пленуме ЦК ВКП(б). Бухарин и его товарищи говорили о тяжелом, кризисном положении страны, о “размычке” крестьян и рабочих, об ошибках “нового курса”. Разойдясь со Сталиным, Бухарин в июле 1928 г. стал искать поддержку и встретился с Л.Б. Каменевым, только что восстановленным в партии после опалы, которой он подвергся как один из лидеров левой оппозиции, и попытался создать с ним антисталинский блок. Об этих переговорах стало известно Сталину, который воспринял их как “двурушничество” Бухарина и вскоре заговорил о “правом уклоне” как главной опасности для партии.

Горький, бесспорно, знал о настроениях Бухарина и его встрече с Каменевым. Рыков, Каменев и Бухарин были наиболее близкими ему людьми в высшем партийном руководстве. Разногласия, раскол и непрекращающаяся борьба в партии, травля, которой подвергались его друзья, не на шутку тревожили Горького. Он мечтал о примирении враждующих сторон для общей партийной, хозяйственной и культурной работы, о чем не раз упоминал в письмах этого времени.

В течение всего 1928 г. кризис народного хозяйства продолжал углубляться. Планы хлебозаготовок остались опять невыполненными, озимые посевы снизились, города оказались на грани голода, во многих из них были введены хлебные карточки. В результате к крестьянству вновь были применены

“чрезвычайные меры”. В 1929 г. три четверти крестьянского населения страны получило всего одну восьмую часть национального дохода. По сути, шла “перекачка” средств из деревни в город, из сельского хозяйства в тяжелую промышленность. В результате подобной политики крестьяне подняли в 1929 г. 1300 мятежей и восстаний.

Горький видел, что страна находится на пороге гражданской войны, но, как и в 1917 г., больше всего боялся, что темная крестьянская стихия затопит островки социалистических преобразований в экономической и культурной жизни Советской России. Не внушала Горькому оптимизма и непрекращающаяся борьба в высшем партийном руководстве. На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Бухарин, Рыков и Томский были обвинены во фракционности, их заставляли “покаяться”, но они отказались. Окончательному разгрому “правая оппозиция” подверглась на следующем, ноябрьском Пленуме ЦК, на котором Бухарин, вновь отказавшийся от “покаяния”, был выведен из состава Политбюро. В результате Бухарин, Рыков и Томский были вынуждены поддержать сталинский курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию. После пленума они выступили с публичным покаянием и окончательно капитулировали перед Сталиным.

Горький был рад временному примирению в высшем партийном руководстве. 29 ноября 1929 г. он писал в связи с этим Сталину: “Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича <Рыкова. – Н.П.>, Томского. Очень рад. Такой праздник на душе. Тяжело переживал я этот раскол” [13, с. 169]. Разумеется, Горький, как и “правые уклонисты”, был против “чрезвычайных мер” по отношению к крестьянству. Но в то же время писатель вполне искренно и сознательно решил поддержать курс Сталина, потому что видел будущее своей родины только на путях ликвидации частной собственности и коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств.

Подавив последнюю попытку сопротивления бухаринской группы своему политическому курсу, Сталин в конце декабря 1929 г. впервые открыто выступил с предложением перейти к “ликвидации кулачества как класса” и “сплошной коллективизации”. 5 января 1930 г. было принято соответствующее постановление ЦК ВКП(б), а уже 8 января Горький послал Сталину письмо, в котором не только поддержал его политический курс, но и указал на великий социальный и философский смысл проводимых им преобразований в деревне, подчеркнул их революционное, поистине эпохальное значение. “...После

того, – писал он, – как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма – социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это – переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей – два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок – безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается” [14, с. 215].

1928–1933 гг. – время наибольшего официального признания Горького советскими властями. Он вознесен на вершину славы, вхож в самые высокие кабинеты, осыпан всяческими милостями. Сам вождь народов регулярно ходит к нему в гости, ведет длительные беседы, советуется по вопросам культурной политики. Сталину, в результате длительных усилий и дипломатических хитростей заманившему Горького в Союз, писатель был нужен как крупная козырная карта в его политической игре с Западом, в заигрывании с собственным народом. По свидетельству близкого к вождю И.М. Гронского, Сталин на одном из совещаний сказал о Горьком: “Значение его больше, чем любого из руководителей партии” [5, МОГ-3–25–4, с. 19].

Однако писатель из всего сталинского окружения выделял именно Бухарина. На наш взгляд, это объяснялось не только сильной личной симпатией Горького к этому партийному руководителю, но прежде всего его идейной позицией, той культурной политикой, которую он пытался проводить в стране. Правящая верхушка партии не была однородной. В ней существовало более жесткое, радикальное крыло, которое возглавлял Сталин, и более либеральное, умеренное, возглавляемое Бухариным. По мнению С. Козна, “бухаринизм был более либеральным и гуманным вариантом русского коммунизма с его врожденными авторитарными традициями” [11, с. 23]. Хотя Горький сильно расходился с Бухариным в отношении к русскому крестьянству, приветствовал сталинскую коллективизацию деревни, против которой выступал Бухарин, но во всех прочих вопросах, особенно в области культурной политики, писатель гораздо ближе стоял к этому партийному вождю, нежели к другим членам государственно-партийного руководства.

Пребывающему в жестокой политической опале Бухарину, видимо, особенно важно было чисто человеческое, душевное общение с писателем. В начале

мая 1930 г. он писал Горькому: “Хотелось бы поговорить с Вами, дорогой мой, да уж не знаю, когда это будет. Вспоминаю о Вас часто, особенно когда тяжело на душе – <...> потому, что Вы сумели не потерять множество черт человеческих, ради развития коих вообще стоит жить и бороться. Ну, я, кажется, готов впасть в сантименты” [5, КГ-ОД-1–43–12].

Публичное шельмование Бухарина продолжалось весь следующий после его “падения” 1930-й год. На XVI съезде партии под нажимом сталинского большинства Рыков и Томский еще раз осудили свои прежние взгляды и оппозиционную деятельность. Бухарин, в отличие от своих товарищей, молчал. Простудившись (или сказавшись больным), он вообще не появился на заседаниях съезда и был осужден заочно: его взгляды были объявлены несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Горький, тяжело переживавший раскол в партийных верхах и шельмование близких ему Рыкова и Бухарина в советской прессе, старался всячески поддержать своих друзей. В разгар травли Бухарина на съезде 23 июля 1930 г. он шлет из Сорренто опальному политику письмо, в котором пытается обратить в шутку и пародию грозные обвинения Бухарина в “правом уклоне” и во всех прочих “злодействах” и хоть немного поправить ему настроение: «Николай Иванович Бухарин! Вы – действительно – уклонист, ибо уклоняетесь от сотрудничества в “Лит. учебе”, несмотря на покорные и даже униженные просьбы редактора онаго журнала М. Горького <...> Дорогой и проклятый уклонист, – поверьте старому инвалиду, потрясенному землетрясением, изнывающему от жары и обилия работы – журнал этот достоин поддержки Вашей! А Вы, еретик, молчите. Позор! <...> Подо мной, ночами, трясется земля, разрушаются дома <...> воют собаки, мне надо писать для “Наших достижений”, для “За рубежом”, для “Лит. учебы”, надо писать роман, пьесу, письма, – войдите же в мое положение, злодей Аскалонский, Гиерон – тиран Сиракузский, Диоклетиан и мизантроп!» Заканчивал Горький письмо уже серьезно, вкладывая в свои слова всю силу сердечного чувства: “Крепко жму руку, обнимаю, очень крепко, искренно люблю Вас, дорогой...” [15, с. 11, 12].

В конце концов осенью 1930 г. под прессингом продолжающейся заушательской критики Бухарину пришлось выступить еще раз с публичным покаянием. 20 ноября 1930 г. в “Правде” было опубликовано “Заявление Н.И. Бухарина в ЦК ВКП(б)”, в котором он признал правильность решений XVI съезда, осудил всякую фракционную работу и любые попытки открытой борьбы с партийным руководством. Горький, внимательно

наблюдавший из-за границы за происходящим на родине и в принципе ненавидевший всякие публичные покаяния, вновь почувствовал необходимость поддержать гонимого политика. Причем роли корреспондентов теперь диаметрально поменялись. Если в начале 1920-х годов Бухарин в своих письмах пытался зарядить сомневающегося писателя политической бодростью и общественным оптимизмом, то теперь – наоборот, этим начал заниматься Горький. 11 декабря 1930 г. он писал Бухарину, рассказывая ему о своей встрече в Италии с советскими “ударниками”:

«Дорогой Николай Иванович – захотелось черкнуть Вам несколько слов. Прочитал Ваше письмо в “Правде” и очень обрадован. Это было не вчера, но радость о том, что Вы снова на своем боевом месте, жива и сегодня.<...>

Видел “ударников”. Пережил потрясающий момент, когда они <...> начали заявлять о своем вступлении в партию. Вы такие моменты видели, а мне – в диковинку.<...> Много хорошего, дорогой друг, и как будто все больше его, а?

Вам смешно читать? Ну ладно, смейтесь.

Крепко обнимаю Вас, очень крепко. И Алексея Ивановича <Рыкова. – Н.П.>. Много пережили Вы оба тяжелого за эти годы, я знаю. Но – простите старику “сентиментальность”, любить вас обоих я стал больше, любить и уважать. Факт» [15, с. 12–13].

Горький использовал свой огромный авторитет, чтобы примирить оппозиционеров со Сталиным, устраивал для них “нечаянные встречи” у себя на квартире, боролся за возвращение бывших партийных вождей на руководящие посты. «Некоторые лидеры оппозиции, – вспоминал об этом времени Гронский, – навещали Горького. Особенно часто бывали Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев и А.И. Рыков, с которыми Алексей Максимович раньше дружил, а в то время всемерно им протезировал. Свидетелем подобного рода встреч и бесед доводилось бывать и мне. Сталин делал вид, что соглашается с Горьким. Он вводил в заблуждение не только его, но и многих других людей, куда более опытных в политике, чем Алексей Максимович. По настоянию Горького, Бухарин был назначен заведующим отделом научно-технической пропаганды ВСНХ СССР, а Каменев директором издательства “Академия”» [5, МОГ-3–25–6, с. 24].

Бухарин выгодно отличался от других членов партийного руководства своей блестящей эрудицией, подлинной образованностью, глубоким знанием искусства и литературы. “Чертовски талантлив, – отзывался о нем Горький, – он буквально как-то весь светится! Как же можно этих людей отталкивать!”

[5, МОГ-3–25–4, с. 9]. К сожалению, не все письма Горького Бухарину конца 1920-х-1930-х годов сохранились. Однако переписка писателя с разными лицами в это время буквально пестрит именем Бухарина и свидетельствует о большом интересе к его личности и стремлении к активному сотрудничеству в литературных делах. Именно Бухарина Горький решил привлечь в качестве автора, создавая журнал для творческой молодежи “Литературная учеба”. Его мнением интересовался, посылая на родину свои новые статьи. Его просил выступить в печати по тем или иным вопросам текущей литературной жизни.

Сохранившиеся письма Бухарина Горькому также свидетельствуют о дружеском внимании к адресату и желании тесного творческого сотрудничества. Причем старые обращения “Максимиш” и “Прекрасные Усы” по-прежнему в ходу. То Бухарин зовет Горького принять участие в слете юных изобретателей и рационализаторов, то просит выступить на чрезвычайной сессии Академии наук, то умоляет дать “хотя бы две странички с художественной характеристикой Маркса” для готовящегося юбилейного сборника или “пару строк своих впечатлений” о съезде колхозников для газеты “Известия”.

Особый интерес представляет до сих пор недостаточно раскрытый сюжет об участии Бухарина в Первом Всесоюзном съезде писателей 1934 г. Основные доклады о советской поэзии на съезде было поручено делать партийному критику Е. Усиевич и поэту Н. Тихонову. Однако незадолго до съезда Усиевич была заменена Бухариным. Л. Флейшман, автор книги “Борис Пастернак в тридцатые годы”, выдвинул предположение, что замена была сделана “с подачи” Горького, но свое мнение ничем не подкрепил. Между тем хранящиеся в горьковском архиве воспоминания Гронского полностью подтверждают эту версию и лишней раз подчеркивают, какую упорную и опасную борьбу вело бухаринско-горьковское литературное “крыло” против ортодоксальных партийных критиков, поддерживаемых официальным руководством во главе со Сталиным.

«Когда шла подготовка к первому съезду писателей, – вспоминает Гронский, – то в качестве докладчиков Горький выдвинул Бухарина и Радека. Я лежал больной, но получил напечатанные брошюрками доклады их. Я позвонил Сталину: как могло случиться, что такие доклады подготовлены к съезду? Сталин ответил, что они утверждены ЦК. Я говорю: как же ЦК мог их утвердить? Сталин раздраженно сказал: “Горький изнасиловал, настаивал на этом” <...> Сталину, конечно, было ясно, что доклады эти порочны в своей основе <...>

После получения доклада Бухарина, я встречаюсь с ним на лестнице в здании “Известий”. Я говорю: “Как ты мог написать подобный доклад?” Он говорит: “А что?” Я говорю: “Тебя обвиняют, что ты являешься идеологом реставрации капитализма, а здесь ты, литератор, ориентируешь писателей на декадентов! Тебе придется отказаться от доклада!” Он очень нервно реагировал, почти ничего мне не возражал, видимо, были еще чьи-то замечания о его докладе» [5, МОГ-3–25–7, с. 26–27, 28].

Блестящий доклад Бухарина, отодвигавший в тень революционно-пролетарскую поэзию В. Маяковского, А. Безыменского, А. Жарова, Д. Бедного и провозглашавший первым поэтом советской литературы беспартийного, “аполитичного” “декадента” Б. Пастернака, произвел огромное впечатление на делегатов съезда, вызвал бурю аплодисментов с одной стороны и взрыв возмущения с другой. Этот доклад, вместе с выступлением на съезде Горького против литераторов-коммунистов, составлял звено тонко продуманной и осторожно, но упорно проводимой Горьким и его единомышленниками политики, направленной на либерализацию и оздоровление литературных нравов, смягчение идеологического прессинга, оказываемого на талантливых беспартийных писателей из бывших “попутчиков”.

Однако “переиграть” Сталина было трудно. Он вовремя “раскусил” суть горьковской культурной политики и до конца жизни писателя не мог простить ему первого съезда. Что касается Бухарина, то и он очень скоро понял, какой смертельной опасности подверг себя, выступив с подобным докладом.

Последние годы жизни Горький фактически находился в негласной опале. Его общественное положение сильно пошатнулось после ареста близкого ему Каменева, обвиненного в причастности к убийству С.М. Кирова. В “Правде”, выражавшей официальное мнение властей, в январе 1935 г. появляются злоеющие статьи-доносы и развязные выступления против фрондирующего писателя. С этого времени Сталин не только не ходит к нему в гости, но и не подходит к телефону на его звонки. Исключение вождь народов сделал лишь во время визита в Союз Р. Роллана, оставившегося у Горького. Мнением Запада о себе и созданной им империи Сталин весьма дорожил, а потому летом 1935 г. явился к Горькому на дачу в окружении Ворошилова, Молотова и Кагановича. Ужин в обществе Сталина и его приспешников не вызвал у Роллана особого восторга. Он тонко уловил скрытую напряженность и неестественность отношений Горького с вождем и описал этот вечер в своем дневнике: “Они много пьют. Тон задает Горький. Он

опрокидывает рюмку за рюмкой водки и расплачивается за это сильным приступом кашля <...> (Я должен добавить, что в обычное время Горький всегда трезв и ест на удивление мало, даже слишком мало <...>) Вечер показался мне очень утомительным и скучным...” [16, с. 240, 241].

Грубым и скучным людям из окружения Сталина Роллан противопоставляет очаровавшего его Бухарина, опального политика, продолжающего свою опасную дружбу с опальным писателем. Дневниковые записи Роллана живо передают особую близость и нежность их отношений: “Завтрак с Бухариным, молодым, веселым и смешливым; он обменивается с Горьким тумачами (но Горький быстро запросил пощады, жалуюсь на тяжелую руку Бухарина) <...> Чай с Бухариным и Горьким. Уходя, Бухарин целует Горького в лоб <...> Нас фотографируют всех вместе” [16, с. 237, 238–239].

Из всех членов партийной и государственной элиты Роллан особо выделил и наиболее высоко оценил именно Бухарина, этого “убежденного интеллектуала”, беседы с которым на философско-научные темы доставляли французскому писателю истинное наслаждение: “У него живой, острый ум, он жизнерадостен и пронизателен; в нем неугасимо пламя юности и непосредственности – его невозможно не любить. Из всех политиков первого ряда он самый одухотворенный и интеллектуальный. Я не заметил в нем никакой обыденности мышления, никакого тщеславия, он человек кристального бескорыстия души” [17, с. 186]. Однако все эти блестящие качества, столь восхитившие Роллана, вероятно, могли только раздражать Сталина и вызывали у него недоверие.

Смерть Горького 18 июня 1936 г. лишила Бухарина авторитетного заступника и верного друга. В некрологе, напечатанном 20 июня в “Известиях”, Бухарин искренне оплакивал “Певца Разума, огромного человека и огромного художника, апостола культуры и труда, великого просветителя железной эпохи революционных катастроф”, сравнивая его с погасшим “солнцем русской литературы”.

Вскоре после смерти писателя, мешавшего Сталину развязать массовый террор, в августе 1936 г. в Москве состоялись грандиозные судебные процессы Каменева и Зиновьева, а вслед за тем, в феврале 1937 г. были арестованы Бухарин и другие участники “право-троцкистского блока”. Процесс “право-троцкистского блока” был и процессом самого Горького, его политики и его ближайшего окружения. Ведь среди проходивших по этому делу было особенно много близких Горькому людей: А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, П.П. Крючков, Д.Д. Плетнев. Причем всем им инкриминировалось участие в отравлении Горького.

По каким-то особо жестоким, издевательским и циничным “правилам” той “юстиции” подсудимых (вероятно, чтобы довести до иступления и сломить морально) часто обвиняли в самых невероятных преступлениях, в том числе в убийстве наиболее уважаемых, дорогих им людей. Вот и Бухарину на процессе пришлось “категорически” отрицать свой замысел покушения на убийство любимого учителя и соратника Ленина и свою “причастность к убийству” любимого писателя и человека Максима Горького и его сына Максима Пешкова [11, с. 447].

Пытаясь спасти Бухарину жизнь, Роллан в письме к Сталину от 18 марта 1937 г. взывал к памяти их “общего друга” Горького как к последнему средству, способному смягчить жестокое сердце диктатора: “Разум типа Бухарина – это богатство для его страны, он может и должен быть сохранен для блага советской науки и развития теоретической мысли <...> У нашего общего друга Максима Горького я часто встречался с Бухариным, их связывала самая тесная дружба. Если эти воспоминания могли бы спасти Бухарина, то во имя Горького я Вас прошу о милосердии...” [17, с. 191, 192].

О прощении и милосердии взывал к бывшему товарищу и партийному соратнику “Кобе” и сам Бухарин, пытаясь в то же время найти у вождя ответ на мучающий его вопрос об историческом смысле предстоящего судебного процесса и неотвратимой собственной казни. В личном “секретном” письме Сталину от 10 декабря 1937 г. он писал:

“Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, – я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии <...>”

Есть какая-то *большая и смелая политическая идея* генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других – по-другому, третьих – по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и *навсегда* поселяют друг к другу недоверие <...> Таким образом, у руководства создается *полная гарантия*.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что *большие* планы, *большие* идеи и *большие* интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне

наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и *главная* мука, и главный мучительный парадокс. <...> Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь *верить* в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головою о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать? <...>

Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз *умереть*, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой – ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, забыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы;

в) если меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как – знаю хорошо – что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. *Молю* об этом...

с) прошу дать проститься с женой и сыном.<...> Я просил бы дать мне с ней свидание *до суда*. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чём я *сознался*, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому.<...>

Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья

(душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного” [18, с. 23, 24, 25].

Однако Сталин не испытывал сентиментальных чувств по отношению к бывшим друзьям. Показательный открытый судебный процесс начался 2 марта 1938 г. 13 марта Военная коллегия Верховного суда СССР признала Бухарина виновным и приговорила к смертной казни. Его ходатайство о помиловании было отклонено, и уже через два дня, 15 марта 1938 г. Бухарин был расстрелян... Реабилитирован был этот яркий политик только через 50 лет, в 1988 г.

Горький и Бухарин были ведущими идеологами государственной и культурной политики Союза Советов. Они оба, каждый по-своему, пережили крах собственных утопических надежд и иллюзий и оба оказались в конце концов жертвами режима, который они всячески поддерживали, воспевали и утверждали своей работой и творчеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. [Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 45* [Complete Works. The 5th Edition. Vol. 45].]
2. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 13. М., 2007. [Gor'kiy, M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 13* [Complete Works. Letters: In 24 Vols. Vol. 13]. Moscow, 2007].
3. *Примочкина Н.* “Донкихоты большевизма”. Максим Горький и Николай Бухарин // Свободная мысль. 1993. № 4. [Primochkina, N. [“The Dons Quixotes of Bolshevism”. Maxim Gorky and Nikolai Bucharin] *Svobodnaya mys'* [Free Thought]. 1993. No 4.]
4. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. М., 2009. [Gor'kiy, M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 14* [Complete Works. Letters: In 24 Vols. Vol. 14]. Moscow, 2009.]
5. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН [Arkhiv A.M. Gor'kogo IMLI RAN [The Archives of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences].]
6. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. [Izvestiya TsK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU]. 1989. No 1.]
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. [Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 54* [Complete Works. The 5th Edition. Vol. 54].]
8. *Горький М.* Материалы и исследования. Вып. 5. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 1998. [Gor'kiy, M. *Materialy i issledovaniya. Vyp. 5. Neizdannaya perepiska s Bogdanovym, Leninym,*

- Stalinym, Zinov'evym, Kamenevym, Korolenko* [Materials and Research. Vol. 5. Unpublished Correspondence with Bogdanov, Lenin, Stalin, Zinoviev, Kamenev, Korolenko]. Moscow, 1998.]
9. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 15. М., 2012. [Gor'kiy, M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 15* [Complete Works. Letters: in 24 Vols. Vol. 15]. Moscow, 2012.]
  10. Красная новь. 1924. Кн. 1. [*Krasnaya nov'* [The Red Nov']. 1924. Book. 1.]
  11. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. [Koen, S. *Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938* [Bukharin. A Political Biography. 1888–1938]. Moscow, 1988.]
  12. Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 2. М., 1965. [*Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. 10. Kn. 2* [The Archives Of A.M. Gorky. Vol. 10. Book. 2]. Moscow, 1965.]
  13. Новый мир. 1997. № 9. [*Novyy mir* [A Whole New World]. 1997. No 9.]
  14. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. [*Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU]. 1989. No 7.]
  15. Источник. 1994. № 1. [*Istochnik* [Source]. 1994. No 1.]
  16. Вопросы литературы. 1989. № 3. [*Voprosy literatury* [Literary Inquiries]. 1989. No 3.]
  17. Вопросы литературы. 1989. № 5. [*Voprosy literatury* [Literary Inquiries]. 1989. No 5.]
  18. Источник. 1993. № 0. [*Istochnik* [Source]. 1993. No 10.]